

ЛИЧНЫЙ ОТРЯД

БЕРНИ

ЧЕЛОВЕК С ДВОЙНЫМ ЛИЦОМ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Человек с двойным лицом / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Личный отряд Берии. Романы о неизвестных операциях НКВД).

ISBN 978-5-04-203703-0

Июнь 1941 года. В прифронтовой полосе немецкие диверсанты захватывают «секретного» инженера Николая Маханова. Специалисты такого уровня находятся под личным контролем Л. П. Берии, поэтому на поиски отправляются лучшие из лучших — группа майора Максима Шелестова. Однако в указанном районе следов Маханова не обнаружено. Что, если он уже на вражеской территории? Но Максим не сдастся. Он предполагает, что инженер жив и в одиночку пытается вырваться из рук фашистов. Эта невероятная версия подтверждается после того, как группа Шелестова неожиданно становится свидетельницей страшного происшествия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-203703-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кандидат технических наук Маханов Николай Иванович в строгом черном костюме в полоску, белой, уже несвежей рубашке без галстука, который он снял еще в Москве, когда садился в поезд, вышел в тамбур с небольшим чемоданом в руках. Здесь, по крайней мере, было немного прохладней. И не был слышен плач ребенка, что капризничал от самого Киева. Мать, как ни старалась успокоить его — не получалось.

У Маханова не было детей. Да и женился он только два месяца назад. Представив, что и его в будущем ждет такое же счастье, Николай Иванович передернул плечами. Здесь, в тамбуре, не было слышно и двух мужиков, которые сели в поезд на прошлой станции и увлеченно пили самогон, сваренный, судя по запаху, из рубероида. Но их он устраивал, и мужики делали перерыв только на короткие промежутки, во время которых с неудержимой и даже открытой агрессией обсуждали подлость какого-то Ивана.

Женщина, сидевшая у окна напротив, попыталась сделать им замечание, но мужики так глянули на нее, что она посчитала за лучшее отвернуться

и прикусить язык, что, впрочем, от нее и требовалось. И вообще, находясь в пути вот уже сутки, с четырехчасовой остановкой в Киеве, Маханов устал. Настроение — и так хуже некуда, а тут еще соседи. И каких только в дороге не встретишь! Хотя, следует признать, что большинство из них — нормальные советские люди. Но, как говорится, «в семье не без урода».

Он достал пачку «Казбека», прикурил и с удовольствием затянулся. Посмотрел на часы — «Кировские» были роскошью даже в Москве. В основном в ходу были карманные. Стрелки показывали 21.37. Это означало, что в город, если поезд не опаздывает, он приедет через тринадцать минут.

За окном простучал мост над рекой, следовательно, поезд не опаздывает. От моста до вокзала как раз где-то минут пятнадцать. Сразу за мостом пошли небольшие хаты пригородных поселков.

В тамбур вышел еще один мужчина постарше Маханова, но ненамного, также, как Николай Иванович, в костюме и при галстуке. Странно, но Маханов за четыре с половиной часа пути от Киева ни разу его не видел. Или он выходил курить в другой тамбур? Этот тоже достал папиросу «Казбек», прикурил. Посмотрел сначала на Николая Ивановича, потом за окно:

— Кажется, подъезжаем?

Он ни к кому не обращался, просто высказал предположение, но в тамбуре они были вдвоем, и поэтому Маханов счел нужным ответить:

— Да, до станции меньше десяти минут.

— В командировку? — спросил мужчина и тут же поправился: — Извините, разрешите представиться — Агеев Александр Владимирович.

Не хотел Маханов вступать в разговор, но пришлось.

— Очень приятно. Маханов Николай Иванович. Нет, я еду не в командировку, а домой.

— А я в командировку, будь она неладна, еще раз извините, вы живете в городе?

— Нет, я живу в Москве, еду на свою родину, в Олевский район, слышали о таком?

Странно, но Агеев располагал людей к откровенности во время разговора. Качество, которым обладают немногие.

Он отрицательно покачал головой:

— К сожалению, нет, да и в город я по служебным делам.

— Вы... военный? — спросил Маханов.

— Да, а как вы узнали?

— По внешнему виду.

— Часто общаетесь с военными? Или... нет, вы на офицера не похожи.

— Благодарю за комплимент.

— Я не хотел вас обидеть.

Маханов вздохнул:

— Какие могут быть обиды, Александр Владимирович. Да, мне приходится часто общаться с военными, по роду так сказать, работы, но... это касается только меня.

Агеев улыбнулся:

— Бдительность превыше всего?

— А разве не об этом нам напоминают плакаты на каждом углу?

— Вы правы. Давайте, попробую отгадать, почему вы едете домой. Вы в отпуске, так?

— Да.

— Счастливый человек! А мне в отпуск — в декабре, и то, если отпустят.

— Я бы многое отдал, чтобы не ездить в этот отпуск, — проговорил Маханов, закуривая вторую папиросу.

— Почему? — удивился попутчик.

— На похороны отца еду. — Маханов глубоко затынулся, поперхнулся, закашлялся. На глазах выступили слезы.

— Вот оно как, — протянул Агеев, — примите мои соболезнования.

Маханов откашлялся:

— Спасибо.

И вдруг его словно прорвало:

— Я был дома два года назад. Обещал отцу, что приеду. Он — последний близкий мне человек. Есть, конечно, родня, но все это не то. Весной он написал письмо, спрашивал, приеду ли? Я обещал, да не смог — работа. И вот теперь... да что там. — Он махнул рукой, вновь глубоко затягиваясь дымом папиросы.

— Извините, Николай Иванович, а мама?

Маханов раздавил окурок в жестяной банке, которая висела на двери:

— Мама умерла в тридцать седьмом.

— Понятно. Я тоже, знаете ли, один на этом свете. Родителей не помню, как оказался в детском

доме — тоже. Хорошо помню, как с товарищами сбегал оттуда, беспризорничал... Но, кажется, подъезжаем.

Паровоз издал длинный гудок, сбросил скорость. Состав медленно, скрипя тормозами и лязгая сцепкой, въехал на главный путь и остановился.

— Ну вот и город, — проговорил Агеев и взглянул на Маханова. — Я за вещами. А вам есть где остановиться? Если нет, могу пристроить в гостинице комендатуры.

— Нет, благодарю, вы поспешите, а то вещи уведут. С этим тут просто.

— До свидания.

— Всего хорошего.

Маханов, не дожидаясь проводника, дернул ручку. Дверь оказалась открытой, и он сошел на перрон. Поправил шляпу, взглянул на окна вагона: те, кому выходить, начали собираться. Поезд шел дальше, в Белоруссию. Таких составов были единицы, но они были.

Маханов подумал, а кого, собственно, он ждет? Военного, с которым встретился в тамбуре? Но ему с ним не по пути. Да и о чем говорить? За какие-то десять минут было сказано больше, чем за всю дорогу. Расстегнув пиджак и сдвинув шляпу на затылок, Николай Иванович миновал вокзал и вышел на привокзальную площадь.

Там нес службу наряд милиции. Маханов был первый, кто вышел из вокзала с момента прибытия Киевского поезда, он просто не мог не привлечь внимания охранников правопорядка. Его окликнули:

— Молодой человек.

Маханов повернулся:

— Да?

Наряд уже был рядом.

Сержант козырнул, представился, но Маханов не расслышал фамилию.

— Документы предъявите.

Николай Иванович поставил на мостовую чемодан, достал из внутреннего кармана пиджака паспорт, протянул милиционеру:

— Пожалуйста.

Сержант внимательно изучил документ:

— Из Москвы, значит. И по какой надобности к нам?

Милиционер смотрел равнодушным взглядом — исполнял обязанности, не более того. Но за внешним безразличием скрывалась та самая бдительность — слово, которое уже вызывало у Маханова аллергию.

Появились и другие пассажиры, с ними Агеев.

— Какие-то сложности, Николай Иванович?

Вперед выступил второй патрульный:

— А вам, что, гражданин, больше всех надо? А ну-ка, предъявите свои документы.

Агеев достал удостоверение личности, раскрыл перед конопатым лицом молодого милиционера.

Тот отработанным жестом поправил портупею, козырнул:

— Извините, товарищ майор, сами понимаете, не ради любопытства.

— Понимаю — служба.

— Так точно, товарищ майор.

Подобрался и сержант.

Рядовой отчеканил:

— Товарищ майор Агеев.

Старший наряда кивнул на Маханова:

— Вы знаете этого человека, товарищ майор?

— Да. Еще вопросы будут?

— Извините, конечно, — сержанту, видно, пришлось не по душе вмешательство армейского офицера, — вы, товарищ майор, к нам прибыли в командировку?

— А пошли, сержант, своего напарника, пусть он позвонит в комендатуру. Там ответят на твой вопрос, а я перед тобой отчитываться не обязан.

Сержант хмыкнул, хоть офицер был ему и не по душе, но вступать в конфликт с майором, неизвестно еще какую структуру в армии представляющим, не хотелось. Он вернул паспорт Маханову:

— Можете быть свободны.

Николай Иванович положил документ обратно в карман:

— И стоило ли вмешиваться, товарищ майор?

Агеев улыбнулся:

— Машинально получилось. Не мог же я пройти мимо? Ладно, подобные проверки тоже нужны. Вам, Николай Иванович, в какую сторону?

— По Вокзальной, налево. Тут рядом.

— Автобусы уже не ходят. За мной должна прибыть машина, что-то я ее не вижу, ну и черт с ней, дойду пешком, до комендатуры недалеко.

— Спасибо. Почему вам не дождаться машины? У вас, военных, не то что у штатских. Должна прибыть, значит, прибует. А вас нет на месте.

— Водитель — не мальчик, подождет, уедет. Знаете, терпеть не могу ждать.

— Ну, это ваше дело. До свидания.

— До свидания, Николай Иванович, и... еще раз — соболезную.

— Благодарю.

Маханов пошел через площадь к закрытому при вокзальному магазину. На углу обернулся. Майора на площади не было. «Быстро же успел пройти в переулок», — подумал Маханов и тут же забыл об офицере.

Время, по меркам провинциального города, пусть даже и областного центра, — уже позднее, а ему следовало поспешить.

Маханов пошел по Вокзальной улице. Дошел до второго переулка, свернул.

Здесь все утопало в зелени. Над заборами нависали ветви фруктовых деревьев, в палисадниках шумели кусты сирени, она отцвела в конце мая, теперь распустился жасмин. Запах цветов заполнял улицу. Впрочем, это был не жасмин. Так в России называют чубушник, хотя разница между ними внешне незначительная. И вряд ли, кто знает об этом. Спроси у местных, что за куст цветет, ответят — жасмин.

Идти ему было недалеко. У калитки второго участка Маханов остановился. В конце переулка маячил человек. Похоже, кого-то ждал.

Николай Иванович вздохнул, перегнулся через калитку, сбросил крючок. Прошел по узкой дорожке к крыльцу. В окнах горел свет.

Он постучал. Послышались шаги и стук костыля.

— Кто там? — раздался приятный женский голос.

— Мария Никаноровна, это Николай Маханов.

— Ой, Коля, сейчас, погоди.

Она отодвинула засов, открыла дверь.

— Приехал?

— Приехал. Разве я мог не приехать?

— Да, конечно, горе-то, Коля, какое... Ты проходи, проходи...

Как только Маханов направился по адресу, Агеев вернулся на вокзал. Постоял минут пять. Потом быстро перешел площадь, прошел привокзальный переулок, остановился возле закрытого пивного ларька. Посмотрел на часы. И тут же резко обернулся. Перед ним стоял мужчина.

— Вот черт, Генрих, и что у тебя за привычка подходить бесшумно?

Незнакомец улыбнулся:

— Тебя что-то не устраивает?

— Можно и без этого.

— В следующий раз буду шуметь на весь город. Что у нас?

— У нас все в порядке. Он приехал. Надеюсь, его контролируют?

— Во втором переулке. На Вокзальной я решил не светиться.

— Правильно. Незачем тревожить людей. Особое внимание к нему завтра.

— Я все прекрасно знаю, Алекс. Связь по прежнему каналу?

— Да. Все, я в комендатуру, а ты занимайся господином Махановым, мне надо знать все о его передвижениях.

— Их несложно предугадать. Завтра он поедет в райцентр Олевск, оттуда в село Горбино, у него же умер отец?

— Не надо гадать, надо точно знать, где он и что делает.

— В селе за ним присмотрят. Но если задержится в Олевске... сам понимаешь, там контроль невозможен.

— А ты постарайся сделать так, чтобы все было возможно. Все, что касается господина Маханова. И задержаться он не должен — он спешит в деревню. До встречи.

— Счастливо.

Агеев поспешил в комендатуру, до которой от вокзала было минут пятнадцать быстрым шагом.

Генрих остался у ларька. Там же встретил связного, который доложил:

— Он у своей тетки!

— Хорошо. Продолжай смотреть за переулком, к дому не подходи.

— Это не так просто. Военные патрули, наряды милиции...

Генрих перебил связного:

— Что ты еще хочешь сказать, Дирк?

— Дмитрий, Генрих... Дмитрий Владимирович Коротко.

— Так что ты еще хочешь сказать, Дмитрий Владимирович Коротко?

— Ничего, герр Ковалев, кроме уже сказанного.

— Просто в нашей работе не бывает. Утром, как проводишь клиента, подойдешь сюда, доложишь по ходу, не останавливаясь. Удачи.

— Спокойной ночи, герр Ковалев, — улыбнулся связной.

— Перестань ломаться! Тебе это не идет!

— Привет Альбине.

— Ты еще здесь?

— Только после вас!

— Клоун.

— Нет, Генрих, я не клоун, я веселый человек и смотрю на этот мир с оптимизмом, особенно сейчас, в преддверии грядущих событий. Ауф видерзеен.

Связной повернулся и пошел к вокзалу.

Ковалев направился в сторону Центрального парка культуры и отдыха, где снимал квартиру.

Маханов снял обувь, прошел в комнату. Присел на стул у круглого стола. Вошла и хозяйка — Мария Никаноровна Алексина, родная сестра матери Николая, его родная тетя.

— Сейчас, я на стол соберу, Коля. Если хочешь помыться — на заднем дворе, сосед с утра бочку воду залил. Сейчас еще теплая.

— Да, пожалуй, помоюсь. А то — дорога...

— Помойся, Коль. Где раздеться, ты сам знаешь. Твоя комната готова.

— Спасибо. Трудно вам одной, Мария Никаноровна.

— Я привыкла. Называй меня тетей Машей, не надо по отчеству, мы же родные люди.

— Да, тетя Маша.

Женщина грустно улыбнулась и пошла на кухню.

Маханов прошел в небольшую комнатку. Когда-то здесь жил его двоюродный брат, Сергей. Отсюда он был призван в армию и погиб на Халхин-Голе в тридцать девятом. Тогда же умер и дядя, Михаил Николаевич, тетя Маша осталась одна. Похоронив мужа и сына, она слегла. А после больницы могла ходить только с костылем.

Маханов тряхнул головой, разделся и пошел в душ.

На ужин Мария Никаноровна выставила вареную картошку, порезанный на тонкие полоски кусок сала, малосольные огурцы, грибы, краюху хлеба.

— Подождите, тетя Маша.

Маханов достал из чемодана палку сырокопченой колбасы и бутылку водки.

— Вот.

— Ой, Коля, эта колбаса такая дорогая, ты ее возьми лучше с собой в деревню, там такой не видывали.

— Режьте, тетя Маша, у меня и для деревни есть.

— Ты, наверное, много получаешь?

Маханов как-то не задумывался об этом. Платили ему на самом деле много, две тысячи рублей,

оклад командира корпуса, генерал-лейтенанта, если переводить на военных. Николаю и жене его Тамаре всего хватало, да еще супруга как учительница получала семьсот пятьдесят рублей. Из этих денег высчитывался подоходный налог и взносы в так называемый «добровольный» заем.

— Мы с женой не жалуемся.

— Да, ведь ты женился! И кто она?

Маханов пожал плечами:

— Женщина. А если серьезно — Тамара Савельевна Гридман. Теперь, естественно, Маханова.

— Скоро и детишки пойдут, жаль, не увидит их отец твой.

Тамара не хотела детей, но не говорить же об этом родне? Не поймут. Здесь, в провинции, все по-другому. Никому и в голову не придет, чтобы в семье не было детей. А в Москве это в порядке вещей, особенно в тех кругах, что считали себя здоровой, советской аристократией.

— Да, — тихо ответил он.

Бутылка открыта. Мария Никаноровна встрепенулась:

— А стопку-то! Стопку-то я не поставила. Или тебе рюмку?

— Стаканы, тетя Маш, и себе тоже.

— Ну, если только пригубить, нельзя мне. Ивана помянуть надо.

Она принесла два стакана.

Тетке Николай плеснул на самое дно, себе налил полный.

— Ну, тетя Маш, за отца.

— Да, Коля, хороший был человек. Царство ему небесное.

Она перекрестилась.

Маханов промолчал. Выпил стакан. Вообще-то он пил очень мало. Можно сказать, не пил совсем. Так, на большие праздники, у родителей Тамары или с начальством. И сразу же хмелел.

— Никогда не прошу себя, тетя Маш, что не приехал раньше. А ведь мог настоять, чтобы отпуск дали, но все откладывал. Дооткладывался. Теперь на похороны бы успеть. Даже не знаю, как буду прощаться. Он же для меня — да что там, вы все прекрасно знаете.

— Иван гордился тобой. Ты же, почитай, из деревни один в люди выбился. Ученым стал.

— Да каким там ученым! Кандидат технических наук. Недавно диссертацию защитил. И брат двоюродный, сын дяди Степана, офицер.

Мария Никаноровна с уважением посмотрела на племянника:

— Вот, «кандидат наук», «диссертация» — у нас и слов-то таких не знают.

— Не важно все это.

— Мать бы тоже гордилась тобой. Да она и гордилась... — Мария Никаноровна не договорила, заплакала: — Вот она какая жизнь, Коленька. Уходят близкие, Господь прибирает, а я...

— Бога нет, тетя Маша.

— Это для тебя нет, а для меня есть. Не надо говорить, чего не знаешь.

— Хорошо, не будем.

— Да ты, закусывай давай, не стесняйся.

Он съел все, что выставила Мария Никаноровна, колбасу не тронул — это для нее, потом попробует.

Налил еще. Мария Никаноровна покачала головой:

— А надо ли, Коля?

— Надо, тетя Маш, знаете, как мне плохо?

— Знаю, Коля, как не знать, сама переживаю.

— Ну, извините.

— Да что ты. За что извиняешься?

Маханов поднял стакан, посмотрел на содержимое, поставил на стол, спросил:

— Расписание автобусов не изменилось?

— Нет, Коля, автобус завтра в 9.00 от вокзала. Да автобус-то — одно слово, так, колымага. Но люди ездят. А в районе тебя будет ждать Фомич.

— Дед Николай?

— Он. Приезжал давеча, сказал — завтра будет ждать с подводой.

— Подвода, — проговорил Маханов, — это так странно.

— Конечно, ты в Москве привык к метро да машинам. А у нас в деревне всего три машины, люди на подводах ездят. И то, если колхоз лошадь даст.

— Да-да...

Он выпил. Марии Никаноровне пришлось провожать племянника до кровати.

Проснулся Маханов рано, на часах было 6.00. Голова раскалывалась, настроение поганое, но похмелье отвлекало его от горестных мыслей.

Он вдруг подумал, не хватился ли его капитан госбезопасности Ройман? Ведь телеграмму он получил вечером, когда приехал домой. До Роймана не дозвонился, видно, не особо спешил начальник к семье. Пришлось отпрашиваться у профессора. Гринеvский сначала опешил, но потом сказал: «Поступай, как знаешь». Он не имел права отпускать подчиненного, а Маханов не имел права не поехать. И уехал. Но если бы его хватились, то уже на вокзале встретили бы сотрудники местного управления госбезопасности. Или даже раньше, еще в Киеве. Однако не встретили. Значит, поняли, что иначе поступить он не мог. И капитан госбезопасности Ройман, рьяный служака и непримиримый борец за идеалы коммунизма, оказывается, мог быть человеком. В любом случае, что сделано, то сделано.

Маханов принял прохладный душ, стало немного легче.

На кухне застал тетушку, та подала ему огуречного рассола:

— Выпей, Коль, полегчает. Видать, не привык ты пить.

— Да я и не пью, тетя Маш.

Он выпил половину банки. Легче стало на несколько минут. Но Маханов знал: скоро отпустит. Потянулся было за папиросами, но пачка оказалась пустой.

— Надо же, ведь полная вечером была.

— Так ты дымил, как паровоз, — улыбнулась Мария Никаноровна.

— Да? Извините.